

* * *

Должно быть странно с непривычки,
пока ты сам не испытал,
что я лежу в психиатричке,
а меня лечит — коновал.

Весь персонал — одни подлюки,
больные частью — сволота,
и подыхаю я от скуки,
и страшна эта скукота.

Все говорят: невроз, лекарства,
аминазин, мелипрамин,
я будто в сумасшедшем царстве
и надо мной довлеет сплин.

Я от депрессии спасаюсь
в игре, в стихах и в табаке.
Я без свободы задыхаюсь:
она ведь так невдалеке!

Спасибо родине, народу
и лично Лёньке Ильичу
за эти человеко-годы,
что тихо канули в мочу.

Спасибо ленинцам-марксистам,
где моет вор руку вора,
спасибо б...м-коммунистам,
и нашей партии — ура!

ВЫХОДНОЙ

«Начинаем передачу» —
звонкий клин меж сном и явью.
Свет в глаза и в сердце холод.
Запах кухни. Шум дождя.
Непривычный час означил
циферблат, и время вправе
заморить духовный голод,
раз в неделю снизойдя.

Перед завтраком-обедом,
после нежностей взаимных,
позапрошлую газету
тоже стоит почитать:
кто обуты, кто раздеты,
где прижимисты режимы,
незнакомого поэта
юбилей, хоккейный матч.

За стеною клокотанье —
наш сосед опять в загуле:
у него нет синекуры —
есть с женою нелады.
Непонятное старанье:
кое-как концы стянули.
Не клевали б денег куры.
Хлеб, портвейн вместо воды.

Книг сомкнутые шеренги,
как бывалые солдаты:
Чосер. Бернс. Петроний. Келлер.
Глянец всех цветов горит.
Суперум за суперденьги.
Неподкупные баллады.
Кто карман, кто душу греет,
кто тщеславие бодрит.

Два звонка — отбыл повинность:
«Не приедете? Как жалко».
(Не поедешь — ждёт уборка.)
Славь находчивость свою,
воплощённую невинность:
«Ветрено, дождливо, марко».
Что в программе — полфутбола,
репортажи, интервью,

песни рыжего француза.
Разрушающая осень.
Созидающая память
не пропустит ничего:
отдан долг, но крепки узы,
и прощения не просит
неразумный в сердце камень —
надо бы простить его...

КЛЯТВА

Говорят мне: будь умней,
водку и вино не пей,
 поступи учиться в вуз,
 кончишь вуз и будешь — туз.

Буду, — говорю, — умней,
водку ж брошу, ей-же-ей!
Брошу, воля коль Господня,
только завтра, не сегодня.

* * *

Я был спокоен. Чёрта с два!
Нет, не был я спокоен.
Ходила кругом голова,
и мир был неустроен.

Я внешне вид имел такой
смешливый, равнодушный...
Но горечь цепкою рукой
жгла горло до удушья.

Конечно, проще накричать —
к чему душе отравы...
Но если право есть — молчать,
а возражать — нет права?

Ах, право, как же всё старо —
радушен будь для виду.
Есть долг — ответить на добро,
нет долга — на обиду.

...А человек в окно, грустя,
смотрел, не отрывался.

Он целиком купил тебя,
когда ты в нём нуждался.

И вот уже подходит вечер,
а день отходит, отошёл,
ушёл куда-то, сторбив плечи,
как параноик на укол.

А вечер чист — и чище к ночи,
прозрачен и до звёзд глубок.
Я сексуально озабочен,
неполноценен и жесток.

Годива на позор решилась.
В толпе вокруг — и я стоял.
— Скажи на милость, на немилость,
но вслух, о Боже! — я шептал.

Несла река русалок в сети,
мелькали бёдра и хвосты...
Да будет жить на белом свете
лишь тот, чьи сети не пусты!

Чай, сторож, сахар, мандарины,
диван, машинка, столик, вэф.
Стою средь ровных долины —
не человек, не бог, не лев.

Да будет жить на белом свете
лишь тот, чьи сети не пусты!
Да будет славен в этом свете
Сын Человеческий — не ты.

Вовеки, присно и отныне
гляжу навстречу из зеркал.
Глас вопиющего в пустыне —
не видел, не любил, не знал...

* * *

Снег и дождь — по лугам и по крышам.
Все дороги мои — круги.
Я курю у окна и слышу
за дверями свои шаги.

* * *

Границей ограничен силуэт.
И профиль обведён застывшей тенью.
Луна в косой очерченный просвет
проглядывает месяцем весенним.
Мой контур обежал пунктир дождя.
Я прочь пошёл, но капли не слетали
на землю, а всё так же обтекали
зигзаг в пространстве, там, где ждал тебя.

* * *

Познав начала и концы,
в дремоту погружён,
сидит великий Лао-цзы
вдали от всех времён.
Он чайкой лёгкою парит,
не ведая свинца,
и безмятежный свет горит
на зеркале лица.
Он юркой рыбкой золотой
в воде скользит, кружит.
Опущенный крючок стальной
над ним, как меч, блестит.
Он ланью мчится по лугам,
не смяв цветов и трав,
он обойдёт любой капкан,
об этом не узнав.
Когда ж свой облик обретёт,
пойдёт — задумчив вид,

о жердь споткнётся, разобьёт
коленку, но смолчит.

* * *

Не обрести душе покоя,
и смертный призрачен покой.
Должно быть, я её не стою,
но каждый миг она со мной.

Она со мною, как ребёнок,
и чистый взгляд не отведёт
от глаз моих, где лжи так тонок
лукавый масляный налёт.

Она мне верит, словно богу,
людскому не предаст суду,
подскажет лёгкую дорожку, —
за это ей гореть в аду.

* * *

И когда дробятся скалы,
Ворон кружится удалый,
А волны струится свет,
Не забудь: ведь счастья нет.
Уходя в покой предвечный,
Алчи вечной красоты.
Хоть и время бесконечно,
Можешь не найти мечты.
Если друг тебя обманет,
Ты не плачь и не грусти;
Б — мягче будь и легче станет,
Если мягок будешь ты.
В общем, дело наше худо.
Ухожу... Что ж... Кем-то буду.